

А.Б. Куанышева*

*Медицинский университет Караганды, Казахстан
(E-mail: sab_85@mail.ru)*

Специфика метафорического образа в устойчивых сочетаниях эпохи Московской Руси (на материале «Словаря русского языка XI–XVII вв.»)

В статье рассмотрена проблема семантической организации устойчивых сочетаний, функционирующих в эпоху Московской Руси XV–XVII вв. Анализ семантической структуры фразеологизмов эпохи позднего Средневековья позволяет уточнить и определить пути становления, развития и дальнейшего формирования фразеолофонда эпохи великорусской народности и русского фразеологического фонда в целом. Изучение образно-мотивационной основы языковых единиц, разрабатываемой в современном русском и зарубежном языкознании, в основном, на материале синхронии, позволил вычлениить и определить количественный состав устойчивых единиц, построенных на метафорическом образе. На основе классификации данных фразеологических единиц выделено несколько типов метафорических переносов, участвующих в образовании средневекового фразеологического фонда. Каждый тип переноса проиллюстрирован многочисленными примерами языковых единиц различных сфер функционирования. При анализе языкового материала учитывалась специфика средневековой книжной культуры, в частности, сфера функционирования устойчивых оборотов (религиозная, военная, юридическая и др.). При разборе великорусских устойчивых сочетаний был использован комплекс методов и приемов научного исследования, а именно: описательный метод с элементами компонентного анализа; прием сплошной выборки фактического материала; статистический прием; прием классификации. На основе проведенного исследования автором выявлены продуктивные типы метафорического образа, которые послужили основой для формирования устойчивых сочетаний рассматриваемого периода; уточнены пути образования средневекового фразеолофонда великорусского языка; определена роль великорусского периода в развитии русского фразеолофонда как одного из важных этапов, который оказал огромное влияние на дальнейшее развитие фразеологической системы русского языка.

Ключевые слова: великорусский период, историческая фразеология, фразеологическая единица, метонимический перенос, внутренняя форма фразеологизма.

Введение

В течение полутора столетий учеными проводятся активные исследования над процессами становления словарного и фразеологического состава русского языка. Однако именно историческая фразеология наименее изучена в ретроспекции. Внимательный анализ исторических исследований по русскому языку за последние минимум два столетия позволяет отметить, что основное внимание историков русского языка, как правило, было обращено на изучение грамматического и лексического субуровней. Причем активизация интереса к словарному составу русского языка в ретроспекции наблюдается с первой половины-середины 50-х годов XX в. (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.Д. Левин, Ф.П. Сороколетов, Ф.П. Филин, П.Я. Черных и другие). Фразеологические же материалы исторического характера на фоне современного фонда единиц в виде устойчивых сочетаний лишь фрагментарно вводились в подобный системно-уровневый анализ (В.М. Мокиенко [1–8], А.И. Федоров, А.И. Молотков, А.М. Бабкин, М.М. Копыленко, З.Д. Попова и другие). На наш взгляд, это было связано, во-первых, с недостаточной разработанностью теории фразеологии, особенно применительно к диахронии; во-вторых, со сложностями накопления фактического материала, содержащегося в многочисленных письменных источниках прошлого. Поэтому развитие такого направления, как историческая лексикография, позволяет в наши дни более глубоко поставить и решить вопросы, связанные с проблемой диахронической фразеологии, ибо исторические словари, в том числе и Словарь русского языка XI–XVII вв. [9], как основной объект нашего исследования, являются сокровищами письменной культуры прошлого. Сказанное определяет актуальность обращения к изучению процессов формирования фразеологического состава русского языка наименее изученного периода его истории — позднего Средневековья.

* Автор-корреспондент. E-mail: sab_85@mail.ru

Второе, что делает исследование и решаемые в нем вопросы актуальными, связано с изменением аспектов (направлений) в современном языкознании, одним из которых является семантический аспект. Именно в этом, диахроническом по материалу и семантическом по предмету изучения аспекте выполнено исследование.

Цель работы — уточнить пути становления, развития и дальнейшего формирования фразеолофонда эпохи зрелого Средневековья и русского фразеологического фонда в целом.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1) определить фонд устойчивых сочетаний, которые получили широкое функционирование в эпоху великорусской народности (XV–XVII вв.) (используя прием сплошной выборки из Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее СлРЯ XI–XVII вв.);

2) выявить и описать образно-мотивационные основы средневековой русской фразеологии, в частности, метафорический перенос;

3) установить место и роль метафорического образа в образовании фразеологических единиц эпохи зрелого Средневековья, что позволит уточнить, а в некоторых случаях раскрыть способы и пути возникновения устойчивых единиц в диахронии.

Материалом исследования выступают фразеологические единицы в количестве 2347, отобранные путем сплошной выборки из СлРЯ XI–XVII вв. Издание, доведенное до буквы С включительно, охватывает большую часть русского лексикона XI–XVII вв., в целом, и фразеолофонда, в частности, что делает этот фактический материал значимым и авторитетным для получения достоверных результатов и выводов.

Объектом исследования выступают фразеологические единицы, относящиеся к эпохе великорусской народности (XV–XVII вв.), число которых составило 1967 единиц.

Предметом исследования является внутренняя форма фразеологических единиц XV–XVII вв.

Анализ языковых единиц выполнен в семантическом аспекте, с позиций которого изучение фразеологического состава русского языка позднего Средневековья (XV–XVII вв.) не проводилось либо рассматривалось фрагментарно; кроме того, описание устойчивых единиц эпохи Московской Руси, которым уделялось недостаточное внимание в исторической русистике, впервые стало предметом специального изучения как важного этапа, определившего последующее развитие фразеологической системы русского языка в современном его состоянии.

Результаты исследования

Представим рабочее определение ключевого термина нашего исследования — внутренней формы фразеологизма (ВФ). Внутренняя форма рассматривается нами как компонент семантической структуры фразеологизма, а именно мотивационно-образный его компонент. Фразеологический же образ — это доминирующая часть коннотативного компонента фразеологического значения. По мнению известного историка языка В.В. Колесова, для великорусского периода категория образа имела первостепенное значение в связи с «перенесением исследовательского внимания с «вещи» на «слово»: «Если для эпохи раннего Средневековья в центре познающего субъекта находилась вещь, то для эпохи зрелого Средневековья в восприятии и использовании слова характерно образное его представление» [10; 325].

Помимо понятия образа, ВФ имеет отношение и к понятию мотивированности. Такое ее понимание связано с именем В.В. Виноградова [11]. Исследователями фразеологических единиц (ФЕ) (Т.З. Черданцева, Д.О. Добровольский, В.Н. Телия) выделяются несколько видов мотивированности ФЕ: одним из видов мотивированности являются тропы, «ВФ в своей основе может быть образно метафорической, метонимической или символической (метафорическая или символическая составляющая)» [12; 45]. Одним из тропов, принимающих активное участие в процессе фразеологизации, является метафора.

В связи со сказанным, а также с задачами, поставленными в работе, мы попытались определить место и роль метафорического переноса в образовании устойчивых сочетаний эпохи зрелого Средневековья.

В анализируемом языковом материале обнаружено 468 ФЕ, в основе образования которых лежит метафорический образ. Кроме того, внутренняя форма многих ФЕ содержит символическую составляющую (около 120 ФЕ); широко представлены перифрастические наименования (90 ФЕ), а также устойчивые словосочетания, образованные в результате олицетворения (67 ФЕ), сравнения (10 ФЕ). Помимо этого, многие единицы образованы в результате взаимодействия различных тропов, как правило, мето-

ними и метафоры (314 ФЕ). Следует отметить, что во фразеолонде XV–XVII вв., наряду с образными ФЕ, довольно широкое распространение получили и безобразные, или денотативные ФЕ (548 ФЕ).

Далее рассмотрим ФЕ, образная структура которых построена на метафорическом переносе. Обращение к ним представляется для нас особенно важным, поскольку именно эпоха зрелого Средневековья явилась решающим этапом в дальнейшем развитии литературного языка, которое вызвало последовательное устранение первоначального синкретизма языковых форм. Метафора в этот период предстает следующей возможностью разрушения словесной синкреты (в раннесредневековой культуре в этой функции выступал метонимический перенос). Метафора в период зрелого Средневековья имеет особое значение, так как, по мнению В.В. Колесова, она возникла как реакция на развитие многозначности (начало которой было положено метонимией) и выступила продолжением этой многозначности [13; 271]. Можно сказать, что метонимия подготовила развитие метафоры, а метафорическое мышление явилось основой для языка литературы. В результате с XV века понятия «язык литературы» и «литературный язык» разошлись в своем значении. Кроме того, «метафора развивается там, где есть уподобление, а не отождествление. Этого, как известно, не было ни в языческом мифе, ни в ранней средневековой культуре, противопоставление абстрактного конкретному, одушевленного неодушевленному, родового видовому еще не обрело языковых форм до XV века. И только после этого времени в языке возникли возможности для развития новых литературных форм» [13; 273].

Термин «метафора» понимается нами в традиционном языковедческом аспекте как перенос наименования, основанный на сходстве.

Говоря о переосмыслении компонентов исходных словосочетаний, необходимо отметить, что возможны случаи полного и частичного их переосмысления. Как показывает анализируемый нами языковой материал, в средневековом фразеологическом фонде имеет место и тот, и другой. Однако все же доминирующее положение занимают ФЕ, в которых переносное (метафорическое) значение получает лишь один из компонентов, в качестве которого в большинстве случаев выступает глагол, реже — имя. Имя имеет либо прямое значение, либо символическое прочтение. Поэтому не только имя, выступающее в роли ключевого слова синтагмы и несущее символическое значение, играет большую роль в формировании средневековых ФЕ, но и глагол. Например: *лжу и клевету скончевати* ‘воздвигать, возводить ложь и клевету’, *превратити гнѣвъ на милость* ‘сменить гнев на милость’, *обнищати очми* ‘утратить хорошее зрение’ и др. Глагольные ФЕ в связи с этим составили значительную часть Великолрусского фразеологического фонда.

Нами обнаружено 468 ФЕ, в основе образования которых лежит метафорический образ, среди них лишь 50 именных. При этом количественный состав ФЕ, вышедших из религиозной сферы (170 ФЕ), преобладает над всеми остальными (из юридического и государственного — 96 ФЕ, из военного — 24 ФЕ, из других сфер — 177 ФЕ). И это не случайно: ведь текст самой Библии, к которой восходят такие устойчивые сочетания, полностью построен на метафорических образах, оказавшихся широко применяемыми в рассматриваемых ФЕ.

Среди ФЕ различных сфер нами выделены: 1) ФЕ, в которых метафорический перенос получает лишь один из компонентов (глагол (260 ФЕ) или имя (50 ФЕ)); 2) ФЕ, внутренняя форма которых построена одновременно на метонимии и на метафоре ((в большинстве примеров синекдохе и метафоре) (314 ФЕ); 3) ФЕ, внутренняя форма которых построена целиком на метафоре, а также метафорической перифразе (158 ФЕ).

По нашим наблюдениям, в указанных ФЕ в большинстве случаев в качестве компонента, выступающего в переносном метафорическом значении, предстает глагол, поэтому преобладающими здесь оказываются глагольные фразеологизмы. Именно метафорически переосмысленный глагол занимает значительное место в средневековом фразеологическом фонде и регулярно участвует во фразеобразовании.

1. Самую большую группу средневековых метафорических ФЕ образовали те, в которых метафорический перенос получает лишь *один из компонентов* (глагол (260 ФЕ) и его многочисленные производные, конкретизирующие семантику глагола или имя (50 ФЕ)). Следует отметить, что в каждой сфере по количеству преобладают глагольные ФЕ. Как показывают наши наблюдения, эти глаголы имеют такую валентную особенность как сочетание в большинстве случаев с абстрактными существительными. Обилие сочетаний глаголов с такими существительными, по наблюдениям Б.А. Успенского, является следствием греческого влияния, благодаря которому в значительной степени уже достаточно рано (в XI–XII вв.) в языке образовывались стереотипные фразеологические обороты [14].

По замечанию В.В. Колесова, отличие древних заимствований из культовых текстов от современных состоит в том, что «древнейшие не были свободными от контекстов, в составе которых они перешли к славянам, и эти контексты попадали в письменной форме переведенных текстов. Заимствовалось словосочетание целиком, почему заимствованные слова и оказались фразеологически связаны. Современные же заимствования приходят к нам в общем контексте культуры» [10; 201]. Переводы с греческого языка сыграли принципиально важную роль в формировании литературного языка, в целом, и в формировании фразеолофонда, в частности.

По нашим наблюдениям, переносное значение глагол обнаруживает:

– в религиозной сфере: *обнищати тѣломъ* ‘исхудать, зд. изнурить свою плоть постом и воздержанием’, *сердце облежити* ‘сменить гнев на милость, перестать сердиться’, *влѣзти на сердце* ‘прийти на ум’, *голова въ кругъ (кругомъ) идетъ* ‘голова кружится’, *метати очима сѣмо и овамо* ‘бросать взгляды по сторонам, вращать глазами’, *въ клочки (изорвати)* ‘уничтожить’, *кипѣти въ богатствѣ (богатствомъ, имѣниемъ)* ‘быть богатым’, *кипѣти въ червяхъ* ‘заживо разлагаться’, *кидати имена, прозвища* (кому-л.) ‘называть кого-л. оскорбительными именами, прозвищами’, *вкушати сна* ‘спать’ и др. В данной сфере метафорический глагол часто сочетается с такими абстрактными существительными, как *молодость, душа, смерть, надежда, бог, грѣхъ, обѣтъ, гордость, житие, горе, молчание, нарѣчие, вѣра, любовь, уныние* и др.: *молодость мыкати* ‘проводить молодость в скитаниях, невзгодах’ (*мыкати* — тащить за собой, волочить, бросая из стороны в сторону), *на души не устоитъ* ‘об отыгании или рвоте’, *загнати въ смерть* ‘погубить’, *затворити въ смерти* ‘подвергнуть убиению, убить’, *грѣтися надеждами* ‘тешить себя надеждами’, *присяци на бога* ‘заклинать именем Бога’ (*присяци(ч)и* — 1. прикоснуться, 2. трогать, обижать), *вязати грѣхи* ‘не давать отпущения грехов’, *прѣступити обѣтъ* ‘нарушить данное кому-л. слово, обещание, обязательство, монашеский обет’, *поднятися гордостью* ‘возгордиться’, *пометати милование* ‘испросить милость’, *препоясоватися ревностію* ‘усердствовать, проявлять рвение’, *вкусити учения* ‘постичь, научиться’, *коснутися въ умѣ* ‘потерять рассудок; повредиться в уме’, *умъ рушится* ‘о помешательстве’ и др.;

– в государственно-юридической сфере: *заидеть грамота за грамоту* ‘о грамотах, содержание которых противоречит друг другу’, *возводити судью (судей)* ‘возбуждать судебное преследование’, *наступити на наслѣдие* ‘стать наследником, получить наследство’, *обнищати очми* ‘утратить хорошее зрение, лишиться зоркости’ и др. В данной сфере метафорический глагол часто сочетается с такими абстрактными существительными, как *вина, дело, срокъ, суд, воля, мир* и др.: *пригнати вину* ‘обвинить’, *дела связати и розвязати* ‘решить все дела и спорные вопросы’, *накинути срокъ* на кого-л. ‘назначить срок для вызова в суд’, *связжется судъ* ‘возникнет суд, тяжба’, *внити въ (чью-л.) волю* ‘подчиниться чей-л. власти’ (*внити* — 1. войти внутрь, вступить в пределы чего-л., 2. перен. проникнуть), *заходити въ пріянь* ‘завязывать дружеские отношения’ и др.;

– в военной сфере: *пролити мечъ* ‘обнажить меч’, *восходити на конь (кони)* ‘садиться на коня’, *распустити коня* ‘разогнать лошадь, пустить галопом’, *огонь бѣгучий* ‘полоска пороха, насыпанная в дощатой трубе или желобе для сообщения огня заряду’ и др. А также глагол в сочетании с такими абстрактными существительными, как *война, плен, путь, слово* и др.: *распустити войну* ‘начать военные действия (набег, грабежи) сразу в нескольких направлениях, направить войско по частям в разные места’, *въ плѣнение и въ бѣгъ влѣзти* ‘начать сдаваться в плен и отступать’, *касатися пути (путного шествія)* ‘отправляться в путь’, *смертною игрою играти* ‘сражаться насмерть’, *прикоснутися словомъ* ‘сказать неодобрительное слово’ и др.;

– в бытовой сфере: *въ возрастъ доспѣвати* ‘становиться взрослым, достигать зрелости’, *власы (волоски) легчити* ‘подстригать волосы’, *куды (камо) очи несуть* ‘куда глаза глядят’, *копати носъ* ‘ковырять в носу’, *вступати въ бремя* ‘беременеть’, *трубное саженье* ‘вставка рассолоподъемной трубы в устроенный для этого колодец’ (*сажение* — 1. посадка (растений); 2. выращивание, разведение), *свѣзтъ ковати съ кем-л.* ‘тайно сговариваться (замышлять не доброе)’ и др.;

– в экономической сфере: *метати что-л. за бесцѣнокъ* ‘продавать что-л. по низкой цене’, *полягутъ деньги по сроцѣ* ‘останутся деньги у должника сверх отведенного срока’, *водити денги въ ростѣхъ* ‘давать деньги в рост’ и др.

– в медицинской сфере: *заходити въ разумъ* ‘о психических странностях, временном помешательстве’, *метати руду* ‘пускать кровь’, *кинути руду* ‘отворить кровь, сделать кровопускание в лечебных целях’ и др.; *повѣсити (с)мысль* ‘напрячь ум, задуматься’ и др.

Обращает на себя внимание также пласт фразеологизмов, в которых метафорическое значение получает только один компонент — *имя* (50 ФЕ). Как показывает анализ языкового материала, в составе фразеологизмов используются метафорически переосмысленные качественные прилагательные (относительные и притяжательные прилагательные зафиксированы в большинстве своем в метонимических ФЕ): оценочные прилагательные: *дорога чиста* кому-л. 'разрешен проезд', *слабое время* 'время колебаний и сомнений' (?), *дурное мясо* 'дикое мясо', *дружная вода* 'полая вода, быстро набравшая силу', *капуста ленивая* 'какое-то блюдо из капусты', *государь подсолнечный* (*подсолнычный*) 'могущественный государь, обладающий значительной частью вселенной', *мокрое житие* (или *мокротное житие*) 'об образе жизни изнеженного распущенного человека'; прилагательные, обозначающие признаки, воспринимаемые разными органами чувств: *деревянное масло* 'низший сорт оливкового масла', *сухое золото* 'чистое золото', *сахарный цвет* 'кремовый, палевый цвет', *лысый нож* 'нож без черенка', *легкий умом*, *легкий разумом* 'легкомысленный, безрассудный';

– в религиозной сфере: *Мертвое море* 'бессточное озеро в Палестине', *растворенная неделя* 'неделя, на которой, по церковному уставу, в среду и пятницу не бывает поста', *лукавое око* 'дурной глаз', *краткий ум* 'слабый, недалекий ум';

– в юридической сфере: *мертвая грамота* 'а) документ лишения прав, имущества; смертный приговор; б) документ, содержащий какое-л. постановление, потерявшее впоследствии свою силу', *открытое письмо* 'документ, с которым правительство широко знакомит общественность', *крѣпостная* (*ларная*) *грамота* 'документ, содержащий в себе постановление или устав о чем-л.' (*крѣпостной* — 1. дающий физическую силу, укрепляющий; 2. стойкий, непоколебимый, 3. строгий, суровый).

2. Выделяются также ФЕ, внутренняя форма которых построена на *метонимическом и метафорическом образах одновременно* (метафорическое значение получает, как правило, глагол, а метонимическое — имя). Таких ФЕ в нашем материале наблюдается довольно большое количество (314 ФЕ). К ним мы отнесли следующие:

– в религиозной сфере: *просвѣтити лице свое на кого-л.* 'обратить на кого-л. милостивый, благосклонный взор (о Боге)', *приклонити сердце свое* 'обратить внимание, проявить склонность', *излити сердце* 'высказать самое сокровенное', *душу, животъ извреци* 'умереть' (*извреци* — 1. выбросить, выкинуть; 2. вынести, выволочь; 3. изгнать, выгнать и др.), *изронити душу* 'умереть', *затворити ложе* (*ложесна*), *утробу* 'сделать бесплодной', *ветхий Адамъ, ветхий человекъ* 'образно о грешном человечестве', *преклонити (свои) ушеса* 'внимательно прислушаться', *свяжеться* (*связается*) *языкъ кому-л., чей-л.* 'об утрате дара речи', *обмывати (обмыти) слезами* 'о горе, печали (образно)', *воставити племя, плодъ* 'создать потомство' и др.;

– в государственно-юридической сфере: *наступати на государство* 'вступать на престол', *взойти слову, пословице на кого-л.* 'кому-л. быть обвиненным', *сердце облежити* 'сменить гнев на милость, перестать сердиться', *истязатися о словеси* 'сводить счеты, учинять расчет, рассчитывать' (*истязатися* — 1. спорить; 2. соперничать, состязаться в чем-л.; 3. подниматься), *восхитити слово* 'взять слово' (*восхитити* — 1. подхватить, 2. выхватить, вынуть, вытащить; 3. похитить, унести; 4. взять, приобрести), *препокоити слово* 'прекратить, прервать речь', *пестрые власти* 'об архиереях', *пестрая риза* 'о патриархе', *на краи языка имѣти* 'иметь наготове, чтобы тут же сказать' др.;

– в бытовой сфере: *водити хлѣбъ соль* 'поддерживать дружеские отношения', *вскинути слово* 'пустить слух', *мѣдное чело* 'название бессовестного, бесстыдного человека' и др.;

– в военной сфере: *излияти словеса* 'высказаться (многословно)' и др.

3. Немалую группу составляют ФЕ, образованные на основе *метафорического переосмысления* не одного из компонентов, а *словосочетания в целом*, а также ФЕ, построенные на *метафорической перифразе* (всего 158 ед.). В этих оборотах словосочетание переосмысливается целиком и преобладают все же именные ФЕ. В различных сферах они получили неодинаковое распространение. Анализ указанных единиц позволил выделить наиболее продуктивные типы метафорической номинации в составе фразеобразований, а также наиболее устойчивые метафорические образы — природный мир, тело человека, семейно-бытовая сфера человека, трудовая деятельность и абстрактные образы. Такие ФЕ получили активное распространение особенно:

– в религиозной сфере: *слазити съ пути* 'впадать в заблуждение; нарушать принятые нормы чести', *сбивать съ доброго пути* 'склонять к предосудительным действиям, толкать на дурное', *квасть фарисейский* 'лицемерное учение фарисеев', *творити сотный плодъ* 'приносить плод сторицею'; 'перен. — о чрезвычайно высоком результате подвижничества', *тѣсныи врата* 'жизнь в лишениях

(для обретения согласно христианскому учению царства небесного) и др.; *корень сердца* (сердечное) ‘о жизненно важной основе’;

– в различных других сферах: *ни мака* ‘нисколько’, *гроза обоиде* ‘ужас, страх объял’, *крапивное сзмя* ‘а) одно из средств народной медицины; б) презрительный эпитет, применяемый к людям не родовитым’ (во втором значении — метафора), *расширити хвостъ* ‘встопорщить хвост, перен. принять воинственную позу’, *въ лэсъ глядети* ‘помышлять о бегстве’, *пэти соловьемъ* ‘говорить о чем-л. с жаром, увлечением; льстить’, *глаголати къ воздуху* ‘говорить впустую, напрасно’, *морской осель* ‘о треске’; в медицинской терминологии: *потайные вэтры* ‘кишечные газы’, *плиту измыти* ‘заниматься бессмысленным делом’, *выдаввити сокъ* ‘мучая, лишить жизни, довести до изнеможения’, *вэтръ гонити*, *пасти* ‘предаваться пустым затеям’ и др.; *ни чернымъ волосомъ* ‘нисколько’, *до черного волоса* ‘целиком, полностью’, *ударити лицомъ въ грязь* ‘показать себя не с лучшей стороны, допустить оплошность’, *въ носъ загнуть* ‘смирить, привести в повиновение’, *валитися въ ротъ* ‘доставаться без труда, без усилий’, *пити* (из кого-л.) *кровь* ‘мучить, притеснять’, *играетъ злая кровь* ‘о проявлении каких-л. дурных свойств’ и др.; *сняти сметану* ‘взять самое лучшее, выгодное, обычно опережая других’, *ни крошки* ‘нисколько, ничуть’, *крада огненная* ‘молния’ (*крада* — 1. костер; устройство для разведения и поддержания огня; 2. жертвенник, алтарь), *поставити (возставити) на свэщникъ сердца (сердечъ)* ‘сохранить в памяти (свэщникъ — 1. приспособление для светильника или лампы, под-свечник, 2. светильник)’ и др.;

– в юридической и военной сферах их очень мало: *съ прохладомъ* ‘медленно, не торопясь’, *быти въ одномъ котлэ* ‘быть вместе, сообща в каком-л. деле’ и др.; *железная метла* ‘то, что все сметает, уничтожает на своем пути, разящий меч’, *варовое окно* ‘отверстие в крепостной стене, из которого льют вар — кипяток или кипящую смолу’, *черная полата* ‘тюрьма’ и др.

Особую группу среди религиозных ФЕ составили *метафорические перифразы*: *на лонэ Авраамовэ* ‘в месте загробного блаженства праведных’, *кровы вэчныя (небесные, святыя)* ‘небесные обители праведников’ (одно из значений лексемы *кровь* в СлРЯ XI–XVII вв. — защита, покровительство, наряду с такими, как 1. крыша, кровля; 2. жилище, дом; 3. скрытое, потаенное место), *вышний градъ*, *вышний Иерусалимъ* ‘небо, как место пребывания Бога’. Рай метафорически репрезентируется через библейские образы: *нэдро Авраамле*, *нэдра Авраамле* ‘образное выражение, обозначающее место загробного успокоения праведников’, *пренебесное*, *божие селение*, *небесная селения* ‘рай, райская обитель’, *царствие красоты* ‘царство небесное’. Ад, грех, смерть представлены противоположными образами: *земля мглена* ‘потусторонний мир; ад, преисподняя’ (признак тьмы), *земля забвенна* ‘кончина, смерть’; *матица огненная* или *матка огненная* ‘преисподняя, геенна’, *родъ огненный* ‘геенна, ад’, *родство огненное (родство огня, огни)* ‘геенна огненная, ад’, *рождество огньное (огня, огню)* ‘геенна’, *гребцы нечестия* ‘нечестивцы, богоотступники, еретики’, *къ богу (конечное) отхождение* ‘кончина, смерть’, *отхождение ко господу*, *отхождение отъ жизни сея* ‘кончина, смерть’, *отходити (отъ) жития*, *(отъ) мира*, *(отъ) сего свэта*; *отходити къ владыцэ (господу)*, *къ оному вэку*, *въ путь* ‘умирать’.

Кроме того, анализируемый материал показал, что внутренняя форма ФЕ может быть полимотивирована не только взаимодействием метонимии и метафоры, как было показано выше, но и «совместной работой» метонимии и олицетворения: *стужа кидается въ плечи, руки* ‘внезапно сильно остывают, замерзают плечи, руки и т.п.’; *сердце смущается* ‘о тошноте’; метафоры и символа: *возложити руку* ‘поразить бедами, карами’; метонимии и символа: *персть божий* ‘указание воли божьей’; метонимии, метафоры, символа: *высокая мышца, рука* ‘всемогущество, власть; покровительство (бога, царя)’.

Заключение

На основе проведенного исследования фразеологической семантики, в частности, метафорических в своей основе устойчивых сочетаний эпохи Московской Руси, мы пришли к следующим выводам:

1. В Словаре русского языка XI–XVII вв. преобладающим в количественном отношении (1972 ФЕ из общего числа 2347 ФЕ), выступает фразефонд эпохи великорусской народности (XV–XVII вв.), явившийся объектом нашего исследования. Это вполне согласуется с основным принципом построения данного исторического словаря, а именно его ориентацией на описание лексико-фразеологического фонда позднего Средневековья [15].

2. Метафорические образы явились одним из наиболее продуктивных средств образования вторичных наименований, участвующих в формировании фразеолофонда эпохи зрелого Средневековья (468 ФЕ):

а) доминирующее положение занимают те фразеологизмы, в которых метафорическое значение получает лишь один из компонентов, в качестве которого преимущественно выступает глагол. По нашему мнению, этот вывод значим во многих отношениях. Во-первых, указанные единицы составляют ту группу, которую В.В. Виноградов назвал фразеологическими сочетаниями, т.е. с точки зрения традиционной фразеологии это единицы, стоящие на грани фразеологизмов и свободных словосочетаний. Ядро фразеологической системы, по В.В. Виноградову, составляют фразеологические единства. Становится очевидным, что фразеологические единства, образованные на основе метафорического переноса, в эпоху великорусской народности только начинали складываться, а метонимические фразеологические единства были достаточно широко распространены. Во-вторых, широкая представленность глагольно-именных фразеологических сочетаний, образованных на основе метафоризации глагольного компонента, заставляет внести существенные коррективы в утверждение фразеологов об активизации таких сочетаний в русском языке под влиянием французского языка, значительной роли калькирования в этом процессе;

б) средневековые ФЕ, основанные на метафорических образах, получили неодинаковое распространение в различных сферах. Особенным богатством метафорических переносов отличаются ФЕ религиозного происхождения (170 ФЕ), тесно связанные с библейским дискурсом.

3. В образном основании средневековых устойчивых единиц могут переплетаться разные тропы, и большая часть ФЕ рассматриваемой эпохи образована именно в результате взаимодействия различных видов тропов, как правило, метонимии (имя) и метафоры (глагол), поскольку, как считает В.Н. Телия, «полимотивированность образной гештальт-структуры — скорее норма, чем исключение» [12; 198]. Для исторической фразеологии эта черта особенно показательна. Наш языковой материал ярко демонстрирует ситуацию (которая нередко представлена и в древнерусском тексте), когда метафорическое значение имеет не сама фразеологическая единица, а один из ее компонентов (глагольный), и этот метафорический компонент входит в состав метонимического по природе фразеологического единства. Этот вывод дает основания для серьезных размышлений над природой средневековой метафоры.

4. С диахронической точки зрения средневековая фразеология представляет собой переходный этап формирования номинативных средств русского языка, когда древнерусские формулы, в пределах которых синкретичная семантика слова получала свою определенность при экспликации в тексте, еще до конца не разрушены, а фразеологизм, как структурно более сложная, чем слово, но семантически единая языковая единица еще не сформировался. Превращение его в устойчивое воспроизводимое номинативное средство — фразеологизм — результат длительного исторического развития.

Список литературы

- 1 Мокиенко В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. — М.: Высш. шк., 1989. — 287 с.
- 2 Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — СПб.: Фолио-Пресс, 2001. — 704 с.
- 3 Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 280 с.
- 4 Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX веков / А.И. Федоров. — Новосибирск: Наука, 1973. — 173 с.
- 5 Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. — Л.: Наука, 1977. — 282 с.
- 6 Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. — Л.: Наука, 1970. — 260 с.
- 7 Копыленко М.М. Избранные труды по языкознанию: [В 2-х т.] / М.М. Копыленко. — Алматы: Евразия, 2010. — 444 с.
- 8 Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. — Алматы: Евразия, 2010.
- 9 Словарь русского языка XI–XVII вв. (Вып. 1–26). — М.: Наука, 1975–2002.
- 10 Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. — СПб.: ЮНА, 2002. — 448 с.
- 11 Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1987. — 312 с.

- 12 Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 286 с.
- 13 Колесов В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — 296 с.
- 14 Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б.А. Успенский. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 558 с.
- 15 Чернышева М.И. Из истории изменения концепции Словаря русского языка XI–XVII вв. / М.И. Чернышева // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингв. исслед. РАН. — 2013. — № 2. — Т. 9. — С. 192–206.

Ә.Б. Куанышева

Мәскеу Русі дәуірінің тұрақты комбинацияларындағы метафоралық бейненің ерекшелігі («XI–XVII ғғ. орыс тілінің сөздігі» материалы негізінде)

Мақалада XV–XVII ғасырлардағы Мәскеу Русі дәуірінде қолданылған тұрақты комбинацияларының семантикалық ұйымдастыру мәселесі қарастырылған. Кейінгі Орта ғасырлардағы фразеологиялық бірліктердің семантикалық құрылымын талдау ұлы орыс ұлтының және тұтастай алғанда орыс фразеологиялық қорының қалыптасу, даму және одан әрі қалыптасу жолдарын нақтылауға және анықтауға мүмкіндік береді. Қазіргі орыс және шетел тіл білімінде негізінен синхрония материалында әзірленген тілдік бірліктердің бейнелі-мотивациялық негізін талдау метафоралық бейнеге құрылған тұрақты бірліктердің сандық құрамын оқшаулауға және анықтауға мүмкіндік берді. Осы фразеологиялық бірліктердің жіктелуі негізінде ортағасырлық фразеологиялық қорды қалыптастыруға қатысатын метафоралық берілістердің бірнеше түрі анықталды. Тасымалдаудың әр түрі әртүрлі қызмет салаларының тілдік бірліктерінің көптеген мысалдарымен суреттелген. Тілдік материалды талдау кезінде ортағасырлық кітап мәдениетінің ерекшелігі, атап айтқанда тұрақты айналымдардың (діни, әскери, заң және т.б.) жұмыс істеу саласы ескерілді. Ұлы орыс дәуіріндегі тұрақты комбинацияларын талдау кезінде ғылыми зерттеудің әдістері мен әдістерінің жиынтығы қолданылды, атап айтқанда: компоненттік талдау элементтері бар сипаттамалық әдіс; нақты материалды үздіксіз іріктеуді қабылдау; статистикалық қабылдау; жіктеу әдісі. Зерттеу негізінде автор қарастырылып отырған кезеңнің тұрақты комбинацияларын қалыптастыруға негіз болған метафоралық бейненің өнімді түрлерін анықтады; ұлы орыс тілінің ортағасырлық фразеологиялық қорын қалыптастыру жолдары нақтыланды; ұлы орыс кезеңіндегі орыс фразеологиялық жүйесінің одан әрі дамуына үлкен әсер еткен маңызды кезеңдердің бірі ретінде орыс фразеологиялық қорының дамуындағы рөлі анықталды.

Кілт сөздер: тарихи фразеология, ұлы орыс дәуірі, фразеологиялық бірлік, фразеологияның ішкі формасы, метонимиялық атауды алмастыру.

A.B. Kuanysheva

The specificity of the metaphorical image in stable combinations of the period of Muscovite Russia (on the basis of the «Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries»)

The article is dedicated to the problem of the study of the specifics of the semantic structure of phraseological units of the Muscovite Russia period (IX–XVII). The aim of this work is through the analysis of phraseology fund of the Middle Ages to clarify the ways of establishing, developing and further formation of the Russian phraseology fund as a whole. On the basis of the analysis of the idiom's internal form, the units constructed on metaphorical transfer are selected for the study by idiom. The classification of the language material made it possible to identify several types of metaphorical transfer, which are actively involved in the formation of the medieval Russian phraseology. For each type of metonymic transfer examples of language units from different spheres of operation are given. The analysis of the language material took into account the specifics of the medieval book culture, in particular the sphere of the use of phraseological units (religious, legal and military spheres). In this article the following methods and techniques of studying and descriptions of idioms had been used: descriptive method with some elements of component analysis; the technique of complete sampling of the facts; classification; the technique of statistics. As a result, the study highlighted the most productive types of metaphorical image underlying the formation of idioms. The study makes possible to clarify the ways in which the phraseological fund of the Middle Ages was formed, and evaluates this period as one of the important stages, which determined the subsequent development of the phraseology system of the Russian language in its present state.

Key words: historic phraseology, great russian period, phraseology unit, idiom's internal form, methonymic transfer.

References

- 1 Mokienko, V.M. (1989). *Slavianskaia frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaia shkola [in Russian].
- 2 Birikh, A.K., Mokienko, V.M., & Stepanova, L.I. (2001). *Slovar russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik* [Russian phraseology dictionary. Historical-etymological directory]. Saint Petersburg: Folio-Press [in Russian].
- 3 Mokienko, V.M. (1986). *Obrazy russkoi rechi: istoriko-etimologicheskie i etnolingvisticheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: historical-etymological and ethno-linguistic essays of phraseology]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta [in Russian].
- 4 Fedorov, A.I. (1973). *Razvitie russkoi frazeologii v kontse XVIII – nachale XIX vekov* [Development of Russian phraseology at the end of the 18th early 19th century]. Novosibirsk: Nauka [in Russian].
- 5 Molotov, A.I. (1977). *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Basics of Russian language phraseology]. Leningrad: Nauka [in Russian].
- 6 Babkin, A.M. (1970). *Russkaia frazeologiya, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology: its development and sources]. Leningrad: Nauka [in Russian].
- 7 Kopylenko, M.M. (2010). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected Works on linguistics]. (Vols 1–2). Almaty: Evraziia [in Russian].
- 8 Kopylenko, M.M., & Popova, Z.D. (2010). *Ocherki po obshchei frazeologii. Frazeosochetaniia v sisteme yazyka* [Essays on general phraseology. Phraseology combinations in the language system]. Almaty: Evraziia [in Russian].
- 9 Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. (1975–2002). [Dictionary of the Russian language of the 11th -17th centuries]. Issue 1–26. Moscow: Nauka [in Russian].
- 10 Kolesov, V.V. (2002). *Filosofiia russkogo slova* [Philosophy of Russian word]. Saint Petersburg: IuNA [in Russian].
- 11 Vinogradov, V.V. (1987). *Leksikologiya i leksikografiia. Izbrannye trudy* [Lexicology and lexicography. Selected works]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 12 Teliia, V.N. (1996). *Russkaia frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguistical aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kultury" [in Russian].
- 13 Kolesov, V.V. (1989). *Drevnerusskii literaturnyi yazyk* [Ancient Russian literary language]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta [in Russian].
- 14 Uspenskii, B.A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [The history of Russian literary language 11th-17th centuries]. Moscow: Aspekt Press [in Russian].
- 15 Chernysheva, M.I. (2013). Iz istorii izmeneniia kontseptsii Slovaria russkogo yazyka XI–XVII vv. [From the history of changing the concept of the «Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries»]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN — Writings of the Institute of Linguistic Studies RAS*, 9, 2, 192–206 [in Russian].